

DOI 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-44-54

УДК 39:930.85

Сергей Васильевич Березницкий

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6235-5542
E-mail: svberezniisky@yandex.ru

Власть знаний как основа деятельности Петра Первого при создании имперской идентичности России

АННОТАЦИЯ. Первоначальный смысл понятия «империя» означал высшую государственную власть народа. Впоследствии власть перешла к ее единственному обладателю — императору, проецировалась на подвластную ему территорию. Постепенно иерархическая структура власти укоренилась в менталитете и традициях народа. Для империи как этнокультурного, социально-экономического, внутри- и внешнеполитического института характерны такие компоненты, как абсолютная сакральная власть императора, опирающаяся на силовые ведомства, армию, флот, фискальные органы и бюрократический аппарат; особый хронотоп: четко организованная (центр — периферия) территория (власть над пространством), календарь (власть над временем); культура, образование, наука, идеология и идентичность (власть над умами и сознанием). Обязательным является признание имперского характера этих структурных элементов со стороны иностранных держав. Именно такая эволюция создания Российской империи и имперской идентичности на базе русского суперэтноса просматривается в деятельности Петра Первого, ставшего Великим и Отцом Отечества. В отличие от других императоров, Петр не занимался стяжанием богатств и привилегий, накапливая в соответствии со своей феноменальной работоспособностью и природной любознательностью прикладные и теоретические знания в сфере многих ремесел, технологий, гуманитарных, общественных и естественных наук. Он использовал эти знания для того, чтобы управлять огромной империей, многочисленными народами, расселенными в ее различных частях, обладающими специфическими, а порой и уникальными цивилизационными, культурными, этническими, языковыми, ментальными характеристиками. Петр обладал особой имперской властью — властью знаний.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Российская империя, Петр I, имперская идентичность, власть знаний

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Березницкий С. В. Власть знаний как основа деятельности Петра Первого при создании имперской идентичности России. *Кунсткамера*. 2022. 1(15): 44–54. doi 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-44-54

Sergey Bereznitsky

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-6235-5542
E-mail: svbereznitsky@yandex.ru

The Power of Knowledge as the Basis of Peter the Great's Activity in Creating the Imperial Identity of Russia

ABSTRACT. The original meaning of the concept of “empire” meant the supreme state power of the people. Subsequently, power not only passed to its sole owner — the emperor, but was also projected onto the territory under his control. The empire is characterized by such components as the absolute, sacred power of the emperor, based on law enforcement agencies, the army, navy and the bureaucratic apparatus; a clearly organized (center-periphery) territory (power over space), calendar (power over time); culture, education, science, ideology and identity (power over minds and consciousness). The recognition of the imperial character of these structural elements by foreign Powers is mandatory. This evolution of the creation of the Russian Empire and imperial identity is seen in the activities of Peter the Great. Peter was not engaged in acquiring wealth and privileges, but was accumulating, in accordance with his phenomenal efficiency and natural curiosity, applied and theoretical knowledge in the field of many crafts, technologies, humanities, social and natural sciences. He used this knowledge to manage a huge empire, numerous peoples settled in its various parts possessing specific and sometimes unique civilizational, cultural, ethnic, linguistic, mental characteristics. Peter had a special imperial power — the power of knowledge.

KEY WORDS: The Russian Empire, Peter I, imperial identity, the power of knowledge

FOR CITATION: Bereznitsky S. The Power of Knowledge as the Basis of Peter the Great's Activity in Creating the Imperial Identity of Russia. *Kunstkamera*. 2022. 1(15): 44–54. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-44-54

Актуальность обращения к истории формирования имперской идентичности России во многом обусловлена современными процессами глобализации, представляющими реальную угрозу для целостности и самостоятельности нашего государства. Идеи и культурные ценности прошлого всегда связаны с настоящим и влияют на различные варианты создания будущего (Репина 2013: 74). Имперская идентичность связана с этносоциокультурной стабильностью и политической устойчивостью страны, с процессами нациестроительства, особенностями этнического менталитета, с многообразием цивилизационных факторов, механизмами воспроизводства и трансляции культурных ценностей, с вопросами позитивного или негативного использования огромных ресурсов страны имперскими элитами и олигархатом для пользы всего государства.

Проблемам сущности и эволюции таких понятий, как «нация», «нациестроительство», «индивидуальная и коллективная идентичность», посвящено огромное количество трудов. Содержание термина «нация» рассматривается на основе различных концепций и подходов: натуралистического, генетического, экономического, политического, конструктивистского, символического и др. (Мартыанов 2006; Эрикссон 2006; Миллер 2012; Тишков 2013; 2018: 8–10; 2021: 7, 9–11, 20–21 и др.; Сухова, Ягов 2015: 54–55; Титов 2017; Шишков 2019; Коренная 2021). До сих пор продолжаются острые дискуссии относительно сущности института нации, не удается пока дать ответ на вопрос о том, как влияет на процесс нациестроительства, стратегической безопасности страны ее поликомпонентный этноконфессиональный состав.

Бенедикт Андерсон считал нацию воображаемым сообществом, которое на основе конструктивизма и инструментализма возникло и развивается в качестве реакции на глобальные вызовы современности. Нация — это способ связывания воедино, в целостном восприятии, пространства, времени и солидарности людей (Андерсон 2016: 17–18, 69, 75; Шишков 2019: 164). Считается, что в русском обществе этот термин появился в петровскую эпоху как инокультурный элемент, параллельно с распространением новой одежды, пищи и других элементов европейской культуры (Миллер 2012: 184; Сухова, Ягов 2015: 55).

При создании российской империи в XVIII в. происходили метаморфозы этнических и политических институтов: приоритет всего русского менял свой этнический характер на государственный, но с православной окраской в целях процветания державы (Лурье 1994: 56).

Элен Каррер д'Анкосс выдвинула спорный тезис о том, что российская империя возникла задолго до петровских реформ, еще в 1552 г. В качестве аргумента она привела факт взятия Казани войском Ивана Грозного, победы над Казанским ханством, которая открыла дорогу для последующего освоения Сибири (Каррер д'Анкосс 2010: 25–26, 29).

Французский специалист в сфере имперской идентичности А. де Бенуа разработал свою версию понимания России как евразийской державы. Благодаря реформам Петра Великого имперская идентичность создавалась на основе уникальной российской идентичности, являющейся, в свою очередь, сплавом культур Киевской Руси, Византии, татаро-монгольского и западного миров (Бенуа 2009: 465). По мнению Бенуа, первоначальный смыслообразующий термин «нация» (от *natio* — «рождение») имел этнический, а не политический смысл. Нациями в Сорбонне называли группу студентов, говоривших на одном языке. Слово «отечество» (от *patrie*, *paus*, *païs* — «край, местность») появилось у французских гуманистов XVI в. Патриотизм понимался не только как любовь к родине, но и как личная преданность королю. Империя же первоначально означала не территорию, а принцип (Бенуа 2009: 440–441, 447) — принцип власти, принцип подчинения, мистической, сакральной силе, поддерживающей не только мировой порядок, но и космическую гармонию, которые находятся в постоянном противодействии с хаосом. После французской революции конца XVIII в. в рамках эволюции власти появилось особое соотношение империи и нации: постепенно сакральная власть сменилась властью конкретного императора над конкретной этнической общностью, нацией, государством, территорией (Бенуа 2009: 440–441, 447; Угрин 2017: 5).

В целом если синтезировать различные точки зрения и теоретические подходы, то сущность империи заключается в объединении разных культур и народов ради устойчивого и стабильного

развития общества, для подавления бунтов и гражданских войн, инакомыслия. Чтобы руководить этими процессами, управлять территорией и народами, нужно знать, как это делать, необходимо обладать огромным массивом разнообразных знаний. Поэтому сам имперский принцип власти, процесс построения имперской сверхэтнической идентичности на основе интеграции населяющих территорию империи народов требует возникновения особого института — власти знаний.

Б. Малиновский о соотношении знания и власти писал следующим образом: знание позволяет, помогает людям предвидеть события, а эта возможность предвидения означает реальную власть, поэтому научные достижения будут использованы теми, кому суждено управлять (Malinowski 1929: 23–26; Малиновский 2005: 87; Бочаров 2006: 17).

Предпосылки влияния знаний о культурном наследии и исторической памяти на процесс формирования общегосударственной, общероссийской, а позже и имперской идентичности можно проиллюстрировать событиями, связанными с венчанием великого князя Василия III¹ в 1503 г. В этом контексте использовались сведения из «Послания о Мономаховом венце» и трактата XVI в. о князьях Владимирских, освещавшие важный артефакт — «шапку Мономаха» — в качестве прямого этнокультурного и международного вектора, связывающего имперскую власть Византии с Русью, а затем и Россией. В соответствии с этими источниками считается, что «шапка Мономаха» была подарена в XI в. князю Владимиру Всеволодовичу императором Византии Константином Мономахом (Коренная 2021: 16–17, 31–33, 35), хотя годы жизни этих людей не совпадают. В завещании Ивана Калиты XIV в. имеется версия о том, что этот головной убор является подарком монгольского хана Узбека русским князьям. Есть еще один вариант, повествующий об изготовлении шапки на Руси в первой четверти XVI в. из отдельных частей, приобретенных в разное время на востоке или в Крыму (Синицына 1998: 125–132; Жилина 2001; Богатырев 2011: 183–186; 2012: 132–135). Несмотря на нерешенные до сих пор вопросы о происхождении «шапки Мономаха», ее этнокультурной принадлежности и путях внедрения в русскую государственность, этим атрибутом, ставшим главным символом царской власти, венчались русские государи с 1498 до 1682 г. начиная с Дмитрия Ивановича, внука Ивана III. При венчании Петра I был изготовлен дубликат шапки Мономаха, или «шапка второго наряда», на который были перенесены с первоначальной некоторые драгоценные камни, чтобы, хоть и косвенно, но подчеркнуть ментальную парадигму передачи древней государственной власти (Пчелов 2011: 190–191). Впоследствии в 1721 г. Петр Великий отменил традицию венчания на царство и ввел новый обряд коронации.

С конца XVII в. в соответствии с волей Петра I Россия начала культивировать имперскую идентичность, привязанную к территории «русского мира», но с новыми европейскими нормами и ценностями в сфере стратегической обороноспособности, строительства армии, флота, государственного аппарата, на основе новаций в быту, языке, образовании, науке. Имперская сущность петровской России, ее устройство отличались нестабильностью и подвижностью государственных и этнических границ, несовпадением географических и культурных сфер российского влияния в Евразии. Большой проблемой стало соотношение государственных границ с российской сферой имперской идентичности, с сущностью идеологического фундамента концепции «русский мир», который простирался далеко за пределы России.

Стараниями Петра Великого Россия в XVIII в. получила новые импульсы развития в сфере науки, образования, культуры, мореплавания, международной торговли, военного дела, геодезии, механики, градостроительства, астрономии. Десятки научных экспедиций исследовали огромную территорию страны, измеряли кривизну земного шара, расстояния между населенными пунктами, наблюдали за небесными объектами, чертили карты и лоции, изучали особенности культуры и языка многочисленных народов от Балтийского моря до Аляски и Калифорнии, собирали этнографические предметы, гербарии, образцы животного и растительного мира.

¹ Великий князь владимирский и московский Василий III (1479–1533) был сыном второй жены Ивана III, дочери последнего византийского императора Софии Палеолог, отцом будущего русского царя Ивана IV Грозного. Укреплял могущество Руси и московского княжества.

Все эти мероприятия смогли осуществиться благодаря возникшей еще в детстве феноменальной любознательности будущего императора Российской империи Петра Великого. Он старался во всех делах выяснить прежде всего суть проблемы, принципы создания Вселенной, сложные процессы, протекающие в природе и обществе, принципы работы орудий труда и оружия, научных приборов и инструментов, которые завозились из-за рубежа и изготавливались народными умельцами в России.

Природный интерес к познанию стал своеобразной цепной реакцией, требующей постоянного приращения новых знаний в различных научных дисциплинах, приобретения навыков в десятках ремесел. С годами Петр не только стал одним из самых образованных людей своей эпохи, но и создал ее новый, в российском хронотопе, просвещенный облик, кардинально преобразовывая все, за что брался на основе неумемной, подкрепляемой такой же неумемной, а потом и абсолютной властной жаждой новых знаний. Появились первые научные и культурные учреждения: периодическая печать (1703), отечественный музей — Кунсткамера (1714), Петербургская Академия наук и Академический университет (1724), впоследствии — Московский университет (1755) и русский театр (1750–1756). Во многом эта власть знаний была прагматичной и направлялась на укрепление России, создание империи, культивирование имперской идентичности у населявших ее просторы народов. Первопроходцы, отличающиеся особым свободолобивым менталитетом, не только осуществляли освоение Евразийского и Американского регионов, но и добывали новые знания об этих землях и народах.

Интерес Петра к материальным предметам, духовным памятникам старины, этнокультурному многообразию становился основой для генезиса и дальнейшего развития имперской идентичности посредством синтезирования разных форм идентичностей — социокультурных, этнокультурных, цеховых и профессиональных, социально-экономических, социально-политических, гражданских (Жукова 2009: 25–30; Коренная 2021: 32).

Воля и власть будущего императора, жажда познаний формировали новые социальные институты, объединяли местные и региональные сообщества в общегосударственные, преобразовывали, уже в качестве исторического процесса, локальную самоидентификацию в имперскую идентичность.

В XVIII в. шел активный процесс превращения сословно-представительной монархии в абсолютную с ее неограниченной властью, при этом формировалась национальная идеология молодой Российской империи. Благодаря реформаторской деятельности Петра Великого, европеизации всех сфер общественной жизни: экономики, политики, военного дела — происходила трансформация духовного мира русского человека, его национального самосознания (Вольтер 2009: 21–24).

Петр впервые в истории стал рассматривать российское государство с его обширнейшей территорией как особый политический институт, врученный ему Богом для самодержавного правления (Герасимов 2013: 172–173). Даже в Воинском уставе 1716 г. содержался написанный Петром тезис о том, что царь есть самовластный христианский монарх, имеющий полную власть над государством и территорией (ПСЗРИ 1830: 325).

Не осталась без внимания Петра и православная церковь, реформирование которой и подчинение религиозной власти светской проходило с помощью сподвижника Петра I Феофана Прокоповича (1681–1736), архиепископа Новгородского, будущего основателя фундаментальной концепции патриотизма Российской империи. Выполняя поручение Петра, Прокопович в 1721 г. разработал «Духовный регламент», который кардинально изменил принцип управления церковью с соборного на синодальный. В результате государственная власть получила полный контроль над церковным институтом. Духовенство стало считаться частью народа, воспитанием и просвещением которого оно должно было заниматься, пропагандировать божественную основу российской императорской самодержавной власти. Прокопович был ярким сторонником абсолютизма, единственно возможного, по его мнению, государственного принципа управления русским народом, основанным на особенностях его менталитета (Прокопович 1837: 17; 1994: 210). Еще в начале

XVIII в. Прокопович подметил важный аспект зависимости сущности и форм государственной власти от размеров его территории, хотя понятия об иерархической структуре власти, ее особом сакральном происхождении постепенно укоренялись в русском менталитете еще с XIV в., основываясь в том числе и на острой необходимости отражения внешней угрозы и сохранения целостности территории страны.

Культурно-антропологическая парадигма власти знаний Петра отличалась уникальностью и целесообразностью, социально значимой волей в процессе трансформации прежней, патриархальной формы человеческой субъективности и коллективных ценностей. Этот механизм не обходился без аккумуляции исторического опыта предыдущих поколений, моделей этносоциальных практик, этапов общности исторического пути, запечатленного в массовом сознании (Люббе 1994: 108–115; Эриксон 2006: 16, 28, 29–30 и др.; Лапина 2008: 35; Демина 2014: 5; Малинова 2016: 156–166; Андерсон 2016: 182, 268, 270; Титов 2017: 40; Эшворт 2017: 154; Старикова 2019: 344–350; Коренная 2021: 30, 52).

Практически все время своего правления Россией сначала в качестве царя, а затем императора Петр вел войны с восточными и европейскими государствами в целях расширения территории страны, получения новых возможностей для торговли, обороны и других видов межэтнической и межгосударственной коммуникации. Специалисты в сфере сущности, структуры и функций мировых империй подчеркивают их главные критерии: отсутствие четких границ (т. е. фронт в движении); иерархия власти, контроль и культурное доминирование в дискурсе центр — периферия; функция цивилизаторской миссии (Zielonka 2008: 475; 2011a; 2011b: 292, 297; 2012: 294, 508, 513, 519; Игумнова 2014: 45). На основе цивилизаторской интеграции отдельных регионов и народов достигаются имперские цели, структура единой официальной культуры и государственного языка.

Огромное влияние на реформистскую деятельность Петра I в России в XVIII в., на процесс овладения знаниями, создания и развития систем образования и науки, возникновения российской империи оказал Г. В. Лейбниц². В Петре Первом Лейбниц нашел именно того человека и государя, который ему был нужен для воплощения своих идей по созданию единой Европы и всеобщей науки. Всеобщая наука Г. В. Лейбница в самом широком понимании являлась математизированной логикой в качестве эвристического механизма изыскания новых знаний, построения целостной картины мира из основополагающих метафизических первопринципов (Осминская 2013: 19–29).

Петр обладал всеми необходимыми для плана Лейбница качествами и владел огромной державой, в которой еще не было Академии наук, не имелось точного описания страны, не проводились плановые экспедиции по ее изучению, не было общественных музеев и библиотек, химических лабораторий и астрономических обсерваторий. Но именно могущественный, т. е. обладающий абсолютной властью, просвещенный государь мог способствовать возникновению и развитию образования, науки, институтов европейских и общечеловеческих ценностей.

Постепенную эволюцию мировоззрения и ментальности Петра под влиянием рекомендаций Лейбница можно выявить из их переписки. При общении Лейбница с Петром, его соратниками и современниками, в частности с Ф. Я. Лефортом (1656–1699) и Я. В. Брюсом (1670–1735), Лейбниц выдвигал проекты по организации в России системы просвещения, Академии наук, математических и морских школ, магнитных наблюдений, сбора лингвистического материала, необходимые для построения нового российского государства (Сборник писем 1873: VI–VIII, XI). Интерес Лейбница простирался и на процесс перевода молитвы «Отче наш» на языки разных народов России. Это выясняется из переписки Лейбница с Н. Витсенем, автором знаменитого труда «Северная и Восточная Тартария», и из других писем (Сборник писем 1873: VII, XI).

Непосредственно к Петру дошло три письма Лейбница (Сборник писем 1873: XII, 284–286, 311–314, 325–326). В письме от 1712 г., сохранившемся только в черновике и не дошедшему

² Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716) — знаменитый немецкий ученый и просветитель, философ и историк, логик и математик, психолог и физик, основатель и первый президент Берлинской академии наук.

сразу же до адресата, Лейбниц излагал Петру свою концепцию о важной взаимосвязи науки и цивилизации, о том, что само провидение помогло Лейбницу познакомиться с таким великим государем, который владеет огромной державой, жаждущей просвещения. Себе Лейбниц отвел роль человека, который готов служить с пользой для русского народа, чем не приносить никакой пользы всем европейцам или немцам. Письмо от 1714 г. содержит повтор этих мыслей и планов Лейбница, и характер написанного показывает, что Петр с ними ознакомился. Лейбниц настойчиво советовал русскому царю заняться организацией науки, пригласить ученых-иностранцев, создать библиотеки и кабинеты (т. е. прообразы музеев), лаборатории и обсерватории, отправить в Европу на учебу молодых людей из России, организовать речное и морское судоходство и в целом научное обследование России. Преимущество России для Лейбница перед другими странами заключалось именно в том, что она являлась целиной в плане развития науки, благодатной почвой, в которую можно высадить семена знаний без сорняков, уже возникших в европейских странах за долгие столетия просвещения. Лейбниц не скрывал пользы этого процесса для европейцев, которые в результате успешного развития просвещения в России стали бы получать уникальные научные сведения, в том числе о происхождении славян и европейцев (Сборник писем 1873: XII–XV, XVII). Проект Лейбница о развитии науки в российском государстве должен был осуществляться по заранее разработанному плану и на специально выделенные фантастически огромные финансовые средства. Москва, Астрахань, Киев и Санкт-Петербург были определены Лейбницем как наиболее оптимальные места для организации академических учреждений, университетов и школ. В обширном письме Лейбница 1712 г. содержится важная информация о том, что Петру по силам организовать исследование вопроса о том, соединяется ли Азия с Америкой (Сборник писем 1873: XVIII, 239–249). То есть перед нами один из реальных главных побудительных мотивов организации Камчатских экспедиций.

Подобным образом в своих письмах Лейбниц подробно советовал Петру Первому, как именно нужно создавать в России систему просвещения, школы для детей, университеты для юношества, Академии для взрослых ученых (Сборник писем 1873: XIX, 14–18, 32–33, 51–53, 62–63, 68–69, 95–100, 167, 176–182, 233–234, 284–286, 311–314, 316–319, 320–323, 325–327, 342, 344–360; Корнетов 2016: 99–132).

Лейбниц видел в России не только единственную реальную защиту европейцев от нашествия турок, но и огромную страну, переполненную не востребуемыми пока научными материалами, в том числе по языку, этнографии, географии, картографии, геодезии, физике (Герье 2008: 579–582, 591–601 и др.). Эти и многие другие научные материалы необходимо собирать и изучать в специально созданных учреждениях, обучая детей и юношей разным наукам, прививая им интерес к получению знаний.

Петр в соответствии со своим царским, а затем и имперским самосознанием был убежден, что интерес к знаниям он сможет привить своему народу только властью: «Наш народ, яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают» (Именной Указ Петра Великого 1830: 150; Павленко 1991: 20; Анисимов 2009: 44–45).

Таким образом, важнейшим компонентом реформаторской деятельности Петра I является формирование и дальнейшая эволюция общегосударственной, имперской идентичности как устойчивой взаимосвязи человека, его самосознания с этнической однородной, а затем национальной неоднородной, а нередко и воображаемой конструируемой общностью, поддерживаемой соответствующими государственными институтами и культурной традицией (Титов 2017: 20, 22–23; Коренная 2021: 51).

В своих действиях Петр опирался на парадигму власти, по которой народы России подчинялись царю/императору, будучи уверенными в божественной природе этой власти и в том, что их государь знает, как нужно преобразовывать страну (Герасимов 2013: 76). Другими словами, Петр как государь обладал божественной властью знаний, необходимых для преобразования и созидания.

Имперская идентичность основывается на представлениях людей о принадлежности к империи как государственному институту, имеющему все признаки державы, характеризующемуся этнокультурной неоднородностью и территорией, организованной на жестких иерархических началах по принципу «центр — периферия» (Тавровский 2005: 83–92). К этому определению следует добавить такие компоненты, как стратегическая безопасность, гарантированная армией и флотом, и признание иностранными государствами имперских достижений в сфере культуры и науки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016.
- Анисимов Е. В. Петр Великий: личность и реформы. СПб.: Питер, 2009.
- Бенуа А. де Против либерализма (к четвертой политической теории) / пер. с фр.; предисл. А. Дугина. СПб.: Амфора, 2009.
- Богатырев С. Н. Шапка Мономаха и шлем наследника: репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1 (9). С. 183–186.
- Богатырев С. Н. Золото шапки Мономаха // *Родина*. 2012. № 9. С. 132–135.
- Бочаров В. В. Политическая антропология // *Антропология власти: хрестоматия по политической антропологии*: в 2 т. / сост. и отв. ред. В. В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 14–48.
- Вольтер О. В. Национальная идеология как основа самодержавной власти Российской империи в XVIII веке // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. 2009. № 3. С. 21–24.
- Герасимов Г. И. Идеалистическая история России (середина XIX — начало XX вв.): в 2 т. Т. 2. М.: Институт общественного проектирования, 2013.
- Герье В. И. Лейбниц и его век: отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб.: Наука, 2008.
- Демина С. А. Историко-культурное наследие как фактор сохранения национально-культурной идентичности России // *История и археология*. 2014. № 4. С. 5.
- Жилина Н. В. Шапка Мономаха: историко-культурное и технологическое исследование. М.: Наука, 2001.
- Жукова О. А. Культурная идентичность, культурное наследие и культурная политика России // *Знание. Понимание. Умение*. 2009. № 2. С. 25–30.
- Игумнова Л. О. Имперская идентичность Европейского союза и России // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2014. № 6. С. 45–55.
- Именной Указ Петра Великого от 5 ноября 1723 года: «О заведении в России фабрик, об освидетельствовании мастеров, вывезенных из других Государств, об отпуске их в отечество по миновании сроков, по контрактам и об умножении производства пеньки в Великой и Малой России» // *ПСЗРИ*. Т. 7. 1723–1727. № 4345. СПб.: тип. II Отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1830. С. 150–151.
- Каррер д'Анкокс Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней / пер. с фр. А. А. Пешкова. М.: РОССПЭН, 2010.
- Коренная В. С. Культурное наследие как воспитательный фактор в системе школьного образования: дис. ... канд. культурологии. Краснодар, 2021.
- Корнетов Г. Б. Проекты Г. В. Лейбница по распространению в России образования и науки (к 300-летию со дня смерти великого немецкого мыслителя и просветителя) // *Историко-педагогический журнал*. 2016. № 4. С. 99–132.
- Лапина Т. С. Аксиология культуры // *Культурология*. 2008. № 1 (44). С. 34–44.
- Лурье С. В. Российская империя как этнокультурный феномен // *Общественные науки и современность*. 1994. № 1. С. 56–64.
- Люббе Г. Историческая идентичность // *Вопросы философии*. 1994. № 4. С. 108–115.
- Малинова О. Ю. Актуальность прошлого: история, память и политика идентичности // *Дискурсология: методология, теория, практика*. 2016. Т. 1, № 10. С. 156–166.
- Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005.
- Мартыанов В. С. Строительство политической нации и этнонационализм // *Логос*. 2006. № 2 (53). С. 94–109.

- Миллер А. И. История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. № 1 (46). С. 162–186.
- Осминская Н. А. Проблема всеобщей науки и классификации наук в ранних текстах Г. В. Лейбница 1666–1669 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2013. № 1. С. 19–29.
- Павленко Н. И. Полудержавный властелин. М.: Политиздат, 1991.
- ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Т. 5. 1713–1719. № 3006. СПб.: тип. П отделения ЕИВК, 1830.
- Прокопович Ф. История об избрании и восшествии на престол блаженные и вечнодостоинья памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны, самодержицы Всероссийской. 1730. СПб.: тип. Н. Греча, 1837.
- Прокопович Ф. История об избрании и восшествии на престол блаженные и вечнодостоинья памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны, самодержицы Всероссийской // Смирнов В. Г. Феофан Прокопович. М.: Соратник, 1994. С. 205–220.
- Пчелов Е. В. Символика регалий российских государей: эмблематика и символическая преемственность // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки». 2011. № 12 (74). С. 186–194.
- Репина Л. П. Национальная история и британская имперская идентичность: стратегии трансформации // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 8. Сер. Альбионика. Вып. 4. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 74–84.
- Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / автор пред. и изд. В. И. Герье. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1873.
- Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции, XV–XVI вв. М.: Индрик, 1998.
- Старикова С. И. Культурный капитал и трансляция коллективных представлений // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2019. № 2. С. 344–350.
- Сухова О. А., Ягов О. В. Имперская идентичность и формирование российской нации: историографические аспекты проблемы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 3 (35). С. 52–61.
- Тавровский А. В. «Имперская» идентичность // Studia Culturae. 2005. № 8. С. 83–92.
- Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: тип. «Ваш формат», 2017.
- Тишков В. А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Тишков В. А. Российский народ: пространство и культура. СПб.: СПбГУП, 2018.
- Тишков В. А. Национальная идея России. М.: АСТ, 2021.
- Угрин И. М. Российская государственность и имперская парадигма: философский анализ. М.: ИФ РАН, 2017.
- Шишков В. В. Империя в представлении теории нации и национализма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. С. 163–172.
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта; МПСИ; Прогресс, 2006.
- Эшворт Г. Д. От истории к наследию — от наследия к идентичности: в поисках понятий и моделей // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2017. № 4 (114). С. 154–171.
- Malinowski B. Practical Anthropology // Africa: Journal of the International African Institute. 1929. Vol. 2, № 1. P. 22–38.
- Zielonka J. Europe as a Global Actor: Empire by Example? // International Affairs. 2008. Vol. 84, № 3. P. 471–484.
- Zielonka J. America and Europe: Two Contrasting or Parallel Empires? // Journal of Political Power. 2011a. Vol. 4, № 3. P. 337–354.
- Zielonka J. The EU as International Actor: Unique or Ordinary? // European Foreign Affairs Review. 2011b. Vol. 16, № 3. P. 281–301.
- Zielonka J. Empires and the Modern International System // Geopolitics. 2012. Vol. 17, № 3. P. 502–525.

REFERENCES

- Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. (In Russian)
- Anisimov E. V. *Petr Velikii: lichnost' i reformy* [Peter the Great: Personality and Reforms]. St. Petersburg: Piter, 2009. (In Russian)

Benua A. de *Protiv liberalizma: (k chetvertoi politicheskoi teorii)* [Against Liberalism: (to the Fourth Political Theory)]. St. Petersburg: Amfora, 2009. (In Russian)

Bocharov V. V. Politicheskaiia antropologiiia [Political Anthropology]. *Antropologiiia vlasti. Khrestomatiia po politicheskoi antropologii: v 2 tomakh. Vol. 1. Vlast' v antropologicheskoi diskurse* [Anthropology of Power: in two vols. Vol. 2. Power in the Anthropological Discourse]. Ed. by V. V. Bocharov. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2006, pp. 14–48. (In Russian)

Bogatyrev S. N. Shapka Monomakha i shlem naslednika: reprezentatsiia vlasti i dinasticheskaia politika pri Vasiliu III i Ivane Groznom [The Cap of Monomakh and the Helmet of the Heir: The Representation of Power and Dynastic Policy under Vasili III and Ivan the Terrible]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2011, no. 1 (9), pp. 183–186. (In Russian)

Bogatyrev S. N. Zoloto shapki Monomakha [The Gold of the Cap of Monomakh]. *Rodina*, 2012, no. 9, pp. 132–135. (In Russian)

Demina S. A. Istoriko-kul'turnoe nasledie kak faktor sokhraneniia natsional'no-kul'turnoi identichnosti Rossii [Historical and Cultural Heritage as a Factor in the Preservation of National and Cultural Identity of Russia]. *Istoriia i arkhologiiia*, 2014, no. 4, p. 5. (In Russian)

Erikson E. *Identichnost': iunost' i krizis* [Identity, Youth and Crisis]. Moscow: Flinta; MPSI; Progress, 2006. (In Russian)

Eshvort G. D. Ot istorii k naslediiu — ot naslediiia k identichnosti: v poiskakh poniatii i modelei [From History to Heritage — from Heritage to Identity: in Search of Concepts and Models]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 2017, no. 4 (114), pp. 154–171. (In Russian)

Gerasimov G. I. *Idealisticheskaia istoriia Rossii (seredina 19 — nachalo 20 vekov)* [Idealistic History of Russia (mid 19th — early 20th Centuries)]. In 2 vols., vol. 2. Moscow: Institut obshchestvennogo proektirovaniia, 2013. (In Russian)

Ger'e V. I. *Leibnits i ego vek: otnosheniia Leibnitsa k Rossii i Petru Velikomu* [Leibniz and his Century: Leibniz's Relations to Russia and Peter the Great]. St. Petersburg: Nauka, 2008. (In Russian)

Igumnova L. O. Imperskaia identichnost' Evropeiskogo soiuzia i Rossii [Imperial Identity of the European Union and Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 2014, no. 6, pp. 45–55. (In Russian)

Karrer d'Ankoss E. *Evraziiskaia imperiia: Istoriia Rossiiskoi imperii s 1552 goda do nashikh dnei* [Eurasian Empire: History of the Russian Empire from 1552 to the Present Day]. Moscow: ROSSPEN, 2010. (In Russian)

Kornetov G. B. Proekty G. V. Leibnitsa po rasprostraneniui v Rossii obrazovaniia i nauki (k 300-letiiu so dnia smerti velikogo nemetskogo myslitel'ia i prosvetitel'ia) [Leibniz's Projects to Spread Education and Science in Russia (to the 300th Anniversary of the Great German Thinker and Enlightenment's Death)]. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*, 2016, no. 4, pp. 99–132. (In Russian)

Lapina T. S. Aksiologiiia kul'tury [Axiology of Culture]. *Kul'turologiiia*, 2008, no. 1 (44), pp. 34–44. (In Russian)

Liubbe G. Istoricheskaia identichnost' [Historical Identity]. *Voprosy filosofii*, 1994, no. 4, pp. 108–115. (In Russian)

Lur'e S. V. Rossiiskaia imperiia kak etnokul'turnyi fenomen [The Russian Empire as an Ethno-Cultural phenomenon]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1994, no. 1, pp. 56–64. (In Russian)

Malinova O. Yu. Aktual'nost' proshlogo: istoriia, pamiat' i politika identichnosti [The Relevance of the Past: History, Memory and Identity Politics]. *Diskursologiiia: metodologiiia, teoriia, praktika*, 2016, no. 1 (10), pp. 156–166. (In Russian)

Malinowski B. Practical Anthropology. *Africa: Journal of the International African Institute*, 1929, no. 2 (1), pp. 22–38.

Malinowski B. *Nauchnaia teoriia kul'tury* [Scientific Theory of Culture]. Moscow: OGI, 2005. (In Russian)

Mart'ianov V. S. Stroitel'stvo politicheskoi natsii i etnonatsionalizm [Construction of Political Nation and Ethno-Nationalism]. *Logos*, 2006, no. 2 (53), pp. 94–109. (In Russian)

Miller A. I. Istoriia poniatii "natsiia" v Rossii [History of the Concept of "Nation" in Russia]. *Otechestvennye zapiski*, 2012, no. 1 (46), pp. 162–186. (In Russian)

Osminskaiia N. A. Problema vseobshchei nauki i klassifikatsii nauk v rannikh tekstakh G. V. Leibnitsa 1666–1669 godov [The Problem of Universal Science and the Classification of the Sciences in the Early Texts of Leibniz of 1666–1669]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Serii: Filosofiiia*, 2013, no. 1, pp. 19–29. (In Russian)

Pavlenko N. I. *Poludержавnyi vlastelin* [Semi-Powerful Ruler]. Moscow: Politizdat, 1991. (In Russian)

Pchelov E. V. Simvolika regalii rossiiskikh gosudarei: emblematika i simvolicheskaia preemstvennost' [Symbolism of Regalia of Russian Sovereigns: Emblematics and Symbolic Continuity]. *Vestnik RGGU. Serii "Istoricheskie nauki"*, 2011, no. 12 (74), pp. 186–194. (In Russian)

Repina L. P. Natsional'naia istoriia i britanskaia imperskaia identichnost': strategii transformatsii [National History and British Imperial Identity: Strategies of Transformation]. *Images mundi: al'manakh issledovaniia vseobshchei istorii XVI–XX vekov*, no. 8. Series Al'bionika, 4. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2013, pp. 74–84. (In Russian)

Shishkov V. V. Imperiia v predstavlenii teorii natsii i natsionalizma [Empire in the Representation of the Theory of the Nation and Nationalism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii*, 2019, no. 48, pp. 163–172. (In Russian)

Sinitsyna N. V. *Tretii Rim. Istoki i evoliutsiia russkoi srednevekovoi kontseptsii, 15–16 veka* [The Third Rome. Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept, 15–16 Centuries]. Moscow: Indrik, 1998. (In Russian)

Starikova S. I. Kul'turnyi kapital i transliatsiia kollektivnykh predstavlenii [Cultural Capital and the Translation of Collective Representations]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Serii: Filosofii. Sotsiologii. Pravo*, 2019, no. 2, pp. 344–350. (In Russian)

Sukhova O. A., Yagov O. V. Imperskaia identichnost' i formirovanie rossiiskoi natsii: istoriograficheskie aspekty problemy [Imperial Identity and the Formation of the Russian Nation: Historiographic Aspects of the Problem]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, 2015, no. 3 (35), pp. 52–61. (In Russian)

Tavrovskii A. V. “Imperskaia” identichnost'” [“Imperial” Identity]. *Studia Culturae*, 2005, no. 8, pp. 83–92. (In Russian)

Tishkov V. A. *Rossiiskii narod. Istoriia i smysl natsional'nogo samosoznaniia* [Russian People. History and Meaning of National Self-Consciousness]. Moscow: Nauka, 2013. (In Russian)

Tishkov V. A. *Rossiiskii narod: prostranstvo i kul'tura* [Russian People: Space and Culture]. St. Petersburg: SPbGUP, 2018. (In Russian)

Tishkov V. A. *Natsional'naia ideia Rossii* [The National Idea of Russia]. Moscow: Izdatel'stvo AST, 2021. (In Russian)

Titov V. V. *Politika pamiati i formirovanie natsional'no-gosudarstvennoi identichnosti: rossiiskii opyt i novye tendentsii* [Memory Policy and the Formation of National-State Identity: Russian Experience and new Trends]. Moscow: tipografiia “Vash format”, 2017. (In Russian)

Ugrin I. M. *Rossiiskaia gosudarstvennost' i imperskaia paradigma: filosofskii analiz* [Russian Statehood and the Imperial Paradigm: a Philosophical Analysis]. Moscow: IF RAN, 2017. (In Russian)

Vol'ter O. V. Natsional'naia ideologiya kak osnova samodержavnoi vlasti Rossiiskoi imperii v XVIII veke [National Ideology as the Basis of Autocratic Power of the Russian Empire in the 18th Century]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Sotsiologii. Ekonomika. Politika*, 2009, no. 3, pp. 21–24. (In Russian)

Zhilina N. V. *Shapka Monomakha: Istoriko-kul'turnoe i tekhnologicheskoe issledovanie* [The Cap of the Monomakh: Historical, Cultural and Technological Research]. Moscow: Nauka, 2001. (In Russian)

Zhukova O. A. Kul'turnaia identichnost', kul'turnoe nasledie i kul'turnaia politika Rossii [Cultural Identity, Cultural Heritage and Cultural Policy of Russia]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2009, no. 2, pp. 25–30. (In Russian)

Zielonka J. Europe as a Global Actor: Empire by Example? *International Affairs*, 2008, no. 3 (84), pp. 471–484.

Zielonka J. America and Europe: Two Contrasting or Parallel Empires? *Journal of Political Power*, 2011, no. 3 (4), pp. 337–354.

Zielonka J. The EU as International Actor: Unique or Ordinary? *European Foreign Affairs Review*, 2011, no. 3 (16), pp. 281–301.

Zielonka J. Empires and the Modern International System. *Geopolitics*, 2012, no. 3 (17), pp. 502–525.

Submitted: 31.01.2022

Accepted: 14.02.2022

Published: 10.04.2022